

**Министерство культуры Российской Федерации
ФГОУ ВПО «Челябинская государственная академия
культуры и искусств»**

**ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ**

Материалы всероссийской научной конференции

**«Информационно-коммуникационные технологии и электронные ре-
сурсы в системе культурно-цивилизационных преобразований: опыт и
проблемы использования в вузах культуры и искусств»**

Челябинск, 21 октября 2010 г.

Челябинск

2010

УДК 004

ББК 73

И74

Информационно-коммуникационные технологии в системе культурно-цивилизационных преобразований: материалы всерос. науч. конф. (Челябинск, 21 окт. 2010 г.) / М-во культуры РФ; ФГОУ ВПО «Челяб. гос. акад. культуры и искусств»; под общ. ред. Т. Ф. Берестовой; сост. Т. Ф. Берестова, Ю. В. Гушул. – Челябинск, 2010. – 339 с.

ISBN 975-5-94839-234-9

Сборник включает материалы научной конференции, проводимой по эгидой Министерства культуры РФ и, впервые, при участии созданного в апреле 2010 г. в челябинской государственной академии культуры и искусств при сотрудничестве с Институтом проблем информатики РАН Научно-образовательного центра «Информационное общество».

Структура издания соответствует работе пленарного заседания и секций конференции. Статьи отражают степень теоретической разработанности актуальных проблем становления информационного общества в РФ, интеграции и объединения усилий по созданию единого образовательного информационного пространства, определения перспектив совместной работы.

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЧГАКИ

ISBN 975-5-94839-234-9

© Челябинская государственная
академия культуры и искусств, 2010
© Авторы статей, 2010

И. Д. Тузовский

Научно-образовательный центр «Информационное общество»

Челябинской государственной академии культуры и искусств

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ: О ДОБРОСОВЕСТНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ И ИХ СЛЕДСТВИЯХ В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Высказывание «как корабль назовешь, так он и поплынет» имеет, невзирая на мистико-ироническую, практически мерфовскую, смысловую нагрузку, с авторской точки зрения, большое отношение к социальным теориям. «Лже-понятия», которые периодически появляются (и что еще хуже – укореняются) в науке, становятся базой многих последующих исследовательских ошибок. Естественно, само выражение «лже-понятия» употребляется нами исключительно в ироническом контексте. Некоторые научные термины представляют собой результат, скорее, добросовестного заблуждения и исследовательской ошибки, нежели злонамеренного желания запутать научное сообщество и подорвать доверие общества к институтам науки.

Тем не менее, встает резонный вопрос: почему в некоторых ситуациях несколько поколений исследователей продолжают упорно и упрямо употреблять термины, неточность (в лучшем случае) или принципиальная неправомерность (в худшем) которых достаточно очевидны. Причина этого кроется, по нашему мнению, в невозможности полного отстранения исследователя от личных переживаний, в самом существовании ценностных ориентаций и пр. Сложно с симпатией относится к предмету, название которого устойчиво ассоциируется с отрицательными переживаниями (например, термин «экологическая катастрофа» вряд ли вызовет положительные переживания и ожидания). Более того, некоторые понятия включают в своих смыслах не только эмоционально-аффективный компонент, но и подразумевают вполне определенные причинно-следственные связи. Признавая верность такого понятия, мы начинаем следовать подразумеваемой им логике.

Поэтому целью данной статьи является разбор нескольких примеров терминов, которые стали результатами добросовестных иссле-

довательских заблуждений, и выяснение исследовательских ошибок, которые они потенциально могли и, вероятно, действительно вызвали в сумме знаний современной науки.

Так, определенным триумфом человеческой истории стал период, который получил название «неолитической революции», спасшей человечество от экологической катастрофы верхнего палеолита [4, с. 16]. Суть ее заключалась в переходе от *присваивающего* хозяйства к *производящему*. И объект нашей критики не само понятие «неолитической революции» – за период неолита произошло достаточно много и других изменений. Мы же попробуем разобрать два обозначенных выше способа организации (технологии) удовлетворения витальных, даже грубо-физиологических потребностей человека.

Присваивающее хозяйство базировалось на «отъеме» произведенных природой ресурсов – в форме охоты, рыболовства (= водной охоте) и собирательства. Третье не имело шансов стать причиной экологической катастрофы верхнего палеолита самостоятельно, – собирательство напрямую зависело от богатства и насыщенности экосистемы и возможностей человека к увеличению площадей природно-ресурсного «рэкета». Первые же два пункта при определенной технологической изворотливости позволяли человеку значительно увеличить объемы этого «рэкета». Как результат – демографический «взрыв» среднего палеолита и массовое истребление видов в палеолите верхнем. Человек действительно присваивал себе природные дары.

«Производящее хозяйство» стало результатом переворота в сознании. Так, вместо того, чтобы охотиться: искать, загонять, настигать, убивать и съедать животное – человек принял это животное пасти, защищать от конкурентных венцу творения хищников, управлять питанием и впоследствии опять-таки убивать и съедать. Вместо того, чтобы собирать съедобные зерна и кореня с большой площади, затрачивая собственный временной и энергетический ресурс на поиск среди несъедобной биомассы, человек начал выращивать эти растения, концентрируя их на площади по возможности меньшей и освобождая от конкуренции с другими растительными видами, презрительно именуя их сорняками, а также от уничтожения их дикими животными.

Обратим внимание на то, что при изменении организации процесса присвоения его суть осталась неизменной – во всех случаях: охота-скотоводство, собирательство-земледелие – человек лишь *присваивает* в свою пользу природные ресурсы. Называть это хозяйство *производящим*, то есть генерирующим, создающим и пр., *неправомерно!*

Можно подобрать другой термин – преобразующее хозяйство. Очевидно, что после неолитической революции пусть и в малом, «антропоцентричном», объеме биосфера принцип естественного отбора был частично вытеснен, а частично и дополнен отбором искусственным. Защита «одомашненных» видов (как животных, так и растительных) от конкурентных человеку хищников и растений-конкурентов стала первым фактором нового, искусственного отбора. Вторым фактором, очевидно, стал целенаправленный евгенический отбор наиболее жизнеспособных, вкусных, «объемных» особей и растений. Человек принял преобразовывать природу, по-прежнему черпая ее ресурсы.

Фундаментальный принцип присвоения, выстраивающий всю пищевую цепочку, не исчез, не был «побежден» человеческой цивилизацией. И поэтому очевидно, что совершенствование технологий приводит к двум процессам: увеличению объемов присвоения каждого данного ресурса, необходимого для человека, и расширению перечня этих ресурсов, приводящее к периодическому отказу от ресурсов, сохранившихся в критически малых объемах. В результате развитие человечества напоминает гонку «Формула-1», где научно-технические революции и переходы с одного типа ресурсов на другой аналогичны пит-стопам. Именно о такой, присваивающей, природе развития человеческого хозяйства говорят термины «ресурсосберегающая технология», «вторичное сырье», «продукты переработки» и пр.

Идея о равновесном устойчивом развитии человека в биосфере, в условиях доминирующего в присваивающем хозяйстве принципа количественного измерения его результатов, утопична по своей сути. Равновесия и устойчивости быть не может, пока не найдена технология непосредственной генерации (производства) самого базиса любой экономики – ресурсов. Впрочем, уже исторически сложившееся понимание главной проблемы экономики – «как в условиях ограниченности ресур-

сов удовлетворить безграничные (или всевозрастающие) потребности человека?» – делает ее неэффективным инструментом решения экологического и ресурсного комплекса проблем.

Вторым примером дезориентирующего и дезинформирующего понятия является термин «техногенная цивилизация». В термине «техногенный» заложена причинно-следственная связь: порожденный техникой. Однако является ли современная цивилизация техногенной? Конечно, спекулятивное решение этой проблемы возможно при выборе точки отсчета *именно современной* цивилизации ангажированном установкой на доказательство «техногенности». Правда, в программировании и биологии существует понятие «наследование свойств» и «свойства классов», которые вполне применимы метафорически и к цивилизационной истории. И тогда, если современность человеческой цивилизации мы начинаем считать с весьма условных границ новейшей истории, то она все же является прямым наследником и «генерантом» западно-европейской цивилизации Нового времени. Однако последняя не была техногенной, порожденной техникой. Она была техногенерирующей, то есть создающей технику. И это свойство и было унаследовано спекулятивно выделенной как уникальный исторический феномен современной цивилизацией. Это утверждение достаточно дискуссионное и, возможно, автор сам стал здесь жертвой добросовестного заблуждения. Отметим лишь, что Э. Тоффлер определяет природу цивилизационного развития как процесс изобретения все новых машин и интеграции машин в «супермашины» [5, с. 42].

Дальше перед нами встает методологическая сложность. Техника сама становится фактором влияния на продолжающееся развитие, и говорить о техногенной природе этого фактора вполне возможно. Однако здравый смысл требует отыскать в качестве базиса для возможного определения именно достаточное и первичное основание.

Примем в качестве аксиом несколько утверждений:

1. Всякое событие имеет причину.
2. Причина (событие 1) всегда происходит раньше следствия (события 2).
3. Тождественные причины приводят к тождественным следствиям (примем как данность факт исключения – точки бифуркации в

физических и химических процессах, когда тождественные причины могут привести к непредсказуемым и совершенно различным следствиям: пример, приводимый И. Пригожиным перевернутый маятник, траекторию движения которого в идеальных условиях невозможно прогнозировать [3, с. 46]).

4. Всякое следствие 1 (событие 2) произошедшего события 1 (причины 1) одновременно является причиной 2 будущего события 3.

Техногенерирующая ориентация западноевропейской цивилизации (причина *a гипотетического события x*) породила новые техногенные факторы воздействия, которые стали причиной *b гипотетического события у*. События *x* и *y* неравнозначны, поскольку различны породившие их причины (аксиома 3). Однако ни того, ни другого события в действительности не произошло, а произошло событие *z*, поскольку причина *a* является *дляющейся и порождающей* причину *b*. Интерференция этих двух причин (дляющееся *a* + постоянно генерируемая ей *b*) породила событие *z* – техногенерирующую и находящуюся под усиливающимся техногенным воздействием цивилизацию современности. Первична и наиболее значима с качественных позиций здесь все же причина *a* – ориентация на техническое развитие в современной цивилизации, поскольку она является единственным источником постоянно возникающей причины *b*, растущей количественным образом. Потенциально футурологическая точка сингулярности и слияние компьютерного и человеческого разумов или иная форма отказа человека от своей биологической природы и будет моментом диалектического перехода «старого» количества в «новое» качество – тогда цивилизация действительно станет «техногенной», но перестанет быть «нашей», соответствующей самоидентификации современного автору человека.

Исключение из аксиомы № 3 мы можем игнорировать, во-первых, в силу нетождественности причин *a* и *b*, и результирующей *a+b*, которая только и имеет место быть в действительности. Во-вторых, в силу хотя бы того факта, что не возможность умозрительного наложения синергетической теории на социальные процессы, а ее реальная применимость и *необходимость* ее применения в изучении этих процессов остается недоказанной.

Таким образом, понятие «техногенная цивилизация» также оказывается дезориентирующим и дезинформирующим. Мы боремся со следствиями техногенных воздействий, в то время как это лечение симптомов, а не самой болезни – техногенерирующего уклада социальной жизни. Честность требует признания лишь компенсаторной, но не искореняющей функции современной науки по отношению к результатам техногенных воздействий, хотя бы потому, что отказаться вовсе от ориентации на техническое развитие мы не можем – это также будет концом *нашей* цивилизации.

Последним комплексом понятий, который автор предлагает рассмотреть являются понятия «постиндустриальное» и «информационное» общества. Критический исследователь футурологических концепций А. И. Молев относит эти понятия к общей группе, определяя постиндустриализм в качестве базовой (системообразующей и центральной) концепции группы других, «периферийных» понятий – супериндустриальное, технотронное, посткапиталистическое, постэкономическое и пр. обществ [2. с. 30]. Сегодня многими исследователями обозначенные нами в качестве частных объектов исследования два термина связываются в эволюционный ряд – постиндустриальное общество, развиваясь, превращается в информационное. В монографии «Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий» автор указывал на некоторые методологические ошибки, которые привели к появлению термина «постиндустриальное общество» и осознание которых исключает возможность его дальнейшего использования, если мы стремимся к релевантности понятий их смыслам. Однако в рамках данной статьи имеет смысл вернуться к этим рассуждениям и даже дополнить их.

Начнем с периферийного понятия «информационное общество». Оно объективно нерелевантно, поскольку:

а) нет определенности в понятии «информация» и постоянные поправки и уточнения все новых и новых поколений исследователей суммарного термина «информационное общество» окончательно запутывают дело;

б) избегающая этих уточнений довольно распространенная редукция смысла «информационного общества» только к значениям

термина «информация» приводит к фальсификации самого понятия – поскольку общество существует лишь как результат процессов коммуникации, то есть неинформационных обществ быть не может.

Еще более опасные следствия имеет ошибка в центральной социально-футурологической концепции – доктрине «постиндустриального общества». Этот термин опирается на ставшую хрестоматийной нумерацию секторов экономики: аграрный – первичный, индустриальный – вторичный, третичный – сектор услуг (сервиса) и четвертичный – информации. Если занятость в первичном и вторичном секторах уменьшается и растет в третичном и четвертичном, то наше общество действительно становится пост- (*после*) индустриальным. Но сервис как экономический феномен не возникает в исследуемый Д. Беллом период 50-60-х гг. прошлого века и не набирает стремительный оборот до занятости в этой сфере около 80 % населения [1, с. 18–22]. Сервис, существовавший всегда, лишь становится узкопрофессиональным сегментом в общей структуре занятости, а не совмещается с «основным» занятием (в этой ситуации, длившейся большую часть довоенной истории отследить количественные показатели сервисной занятости просто невозможно). Сфера услуг существовала и играла огромную роль в античной цивилизации и в период европейского Средневековья, очевидно, что существовала «сфера услуг» и в первобытный период истории человечества. А вот индустриальное производство – нет. Можно спекулировать на родстве индустриального и ремесленного производства, однако ориентация женщин на «сервисное обслуживание» мужчин, очевидно, древнее, чем выделение ремесла из сельского хозяйства (действительно являющегося первичным сектором экономики). Поэтому говорить, что услуги «третичны» по отношению к якобы «вторичной» индустрии, нельзя. В действительности сервисно-информационная экономика не *постиндустриальная*, а скорее *супериндустриальная* (термин Э. Тоффлера [см. 5]) – уровень развития индустриального, то есть *машинного, автоматизированного*, производства таков, что требует минимума человеческой занятости, высвобожденный же остаток которой единственный образом может быть аккумулирован в сервисной и информационной сфере. Соответственно, вопрос политики построения условного «постин-

дустриального» (по образцу США в исследованиях Д. Белла) это не вопрос переориентации занятости населения в сервисную и информационную сферы! Это вопрос создания такой *индустриальной* экономики, которая в своей эффективности будет обеспечивать необходимым аграрным и промышленным продуктом все население страны при минимуме занятости в первичном и «вторичном» секторах. Не отказ от индустрии, а ее приоритетное развитие позволяют построить постиндустриальное общество в действительности.

Очевидно, что подробный терминологический анализ мог бы позволить скорректировать многие концепции в сторону их большей точности в описании реальности. Дальнейшее пользование подобными терминами либо приводит к лавинообразному росту исследовательских ошибок, либо принуждает нас каждый раз оговаривать понимание их неточности и вытекающие из этого следствия.

-
1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноzemцева. – М.: Academia, 1999. – CLXX, 783 с.
 2. Молев А. И. Социокультурные прогнозы развития западной цивилизации середины XX – начала XXI в.: дис... канд. философ. наук, 24.00.01. – Москва, 2007. – 199 с.
 3. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопр. философии. – 1991. – № 6. – С. 46–57.
 4. Рядинских Л. В. Формы и приемы коэволюции культур: автореф. дис... канд. философ. наук: 09.00.13. – Ростов н/Д, 2006. – 26 с.
 5. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: ACT, 2002. – 557 с. – (Philosophy).